

У. ОЦЫ И ДѢТИ ВЪ ПОЛИТИКѢ.

Несогласія между отцами и дѣтьми въ практическихъ вопросахъ жизни и особенно въ вопросахъ политики — есть явленіе *вѣчное*: оно обусловлено возрастомъ и опытомъ жизни; оно неизбежно; и тѣмъ не менѣе каждое поколѣніе переживаетъ это расхожденіе, какъ что то «новое» и «особенное» и можетъ быть даже «тревожно-зловѣщее» (срв. «Отцы и дѣти» Тургенева). И всегда бываетъ такъ, что чѣмъ забывчивѣе, безотвѣтственнѣе и самодовольнѣе отцы, и чѣмъ наивнѣе самоувѣреннѣе и темпераментнѣе дѣти, тѣмъ легче это расхожденіе принимаетъ оттѣнки «драматическій» и даже «трагическій». А между тѣмъ вѣрное разрѣшеніе этого вопроса возможно только на основѣ *взаимнаго пониманія* и *взаимнаго восполненія*.

Мало того, вѣрно разрѣшить этотъ вопросъ значитъ вообще отодвинуть его на задній планъ, какъ бы *вовсе снять его*: ибо для *предметнаго и творческаго служенія* существенъ совѣмъ не возрастъ, а *вѣрность взгляда, преданность* и *сила воли*. По этимъ тремъ признакамъ отцы должны объединяться и съ отцами, и съ дѣтьми: а дѣти должны объединяться и съ дѣтьми, и съ отцами. Передъ *служеніемъ родинѣ*, передъ *духовнымъ единомысліемъ*, передъ *стойкой энергіей поступка* — возрастъ несущественъ; выдвигать вопросъ возраста здѣсь не только неумѣстно и странно, но просто *непозволительно*: при вѣрномъ подходѣ къ дѣлу — онъ и самъ не выдвинется. А если онъ выдвигается, то это означаетъ, что люди духовно *не доросли, не пострадали до предметнаго и творческаго служенія*, но застряли въ вопросахъ непредметнаго «само-чувствія», неудовлетвореннаго тщеславія, честолюбія и всѣхъ тѣхъ неумѣній и мелочныхъ претензій, которыя размножаютъ и составляютъ ненужный *соръ жизни*.

Но сколько отцамъ и дѣтямъ не удастся установить между собою взаимнаго пониманія и взаимнаго восполненія, постольку силы народа начинаютъ растрачиваться даромъ: ибо *жизненный опытъ* старшаго поколѣнія проходитъ *мимо* младшаго поколѣнія, не научая его, не ограждая его отъ промаховъ, заставляя его начинать все съ самаго начала, отыскивать *уже найденные* пути, впадать въ *изжитыя* заблужденія и повторять бытыя ошибки. Понятно, что если бы такое положеніе дѣла водворилось *во всемъ*, то *вся культура* остановилась бы и оказалась бы невозможной: въ религіи отпало бы благовѣстіе, писаніе, преданіе и преемство благодати; въ наукѣ все оказалось бы «неислѣдованнымъ» и «недоказаннымъ»; всѣ художественныя созданія искусства стали бы казаться людямъ

«выдохшимся» и «мертвымъ» «хламомъ»; нравственное и государственное воспитаніе людей стало бы совсѣмъ невозможнымъ; а въ техникѣ и въ хозяйствѣ люди остались бы навѣки первобытными дикарями.

Вопросъ о соотношеніи отцовъ и дѣтей есть вопросъ *духовной традиціи*. Если бы духовная традиція отпала, то все стало бы *безпочвеннымъ, безсильнымъ, эфемернымъ*. Горе тому поколѣнію, которое не умѣетъ ни воспринять, ни передать духовную традицію! Оно обречено на безпомощную и притязательную суетню; оно будетъ унесено смертью *до того*, какъ успѣетъ создать что нибудь; и неизбежно станетъ посмѣшищемъ грядущихъ, болѣе здоровыхъ поколѣній.

Именно такова затѣя *всякой революціи* и особенно *большевицкой революціи*: порвать національную — государственную и культурную — традицію, отдаться самоупоенному произволу, все перевернуть, поставить на голову, начать все «сызнава», по «новому», по неслыханному, оказаться «умнѣе всѣхъ» и «смѣлѣе всѣхъ», и, потрясши міръ «дерзаніемъ», «повести за собою» все чечовѣчество. Источникомъ всего этого является: *духовное невѣжество, необузданное самомиѣніе и совершенно болное тщеславіе*. Ничтожество и убожество всѣхъ подобныхъ затѣй предувидѣно и обличено въ «Бѣсахъ» Достоевскаго.

И вотъ, всѣ, неподдавшіеся духовной заразѣ большевизма должны всегда помнить о томъ, что эта бѣсовская зараза *прокрадывается въ сердца незамѣтно*, укрывается въ отгѣнкахъ и обнаруживается тамъ, тогда и у тѣхъ, кто, гдѣ и когда меньше всего этого ожидаетъ. «Прираженія» этого духа многообразны и неожиданны: и одолѣваются только *бдѣніемъ, трезвеніемъ и нещадной самокритикой*. Какъ проникающій повсюду трупный запахъ, такъ нынѣ незримо разливается въ душахъ большевицкая отравка, особенно опасная для молодыхъ поколѣній зарубежья, не перегорѣвшихъ въ дьявольской плавильнѣ коммунистовъ, не видѣвшихъ непосредственно величія Россіи и не смотрѣвшихъ въ зракъ сатаны; но именно поэтому у нихъ нѣтъ того *духовнаго иммунитета*, который нынѣ пріобрѣтаетъ *несоблазнившаяся* молодежь подъяремной Россіи.

Для вѣрнаго разрѣшенія основной задачи *духовной традиціи*, необходимо, чтобы отцы *могли и умѣли передать*, а дѣти *желали воспринять*.

Духовная традиція (буквально — «передача») не составляетъ всюду, гдѣ отцы *растеряли* воспринятое ими самими, а своего *не пострадали*; гдѣ имъ *нечего* передать: или гдѣ они *забыли свой долгъ* передачи: или гдѣ они *не умѣютъ найти доступъ къ сердцу и къ довѣрію* младшаго поколѣнія.

Справедливость требуетъ признать, что современные русскіе политическіе отцы (за исключеніемъ немногихъ людей, окостенѣвшихъ въ своемъ дореволюціонномъ самолюбованіи и въ своей политической безсовѣстности) — перестрадали и пере-

думали такъ много, что имъ по истинѣ *есть*, что передать слѣдующему поколѣнію. У нихъ есть не только опытъ заблужденій и непротивленчества, но и опытъ *преодоленія ошибокъ* и опытъ (хотя еще и не побѣдоносной, но искренней и напряженной) *борьбы*. Они видѣли и величіе прошлаго, хотя надломченнаго уже и больнаго; — и процессъ подкона и крушенія; — и позоръ, и несчастіе дна. И если даже многіе изъ нихъ нынѣ не берутся сказать, что дѣлать дальше, то за то многіе изъ нихъ знаютъ досконально, *сколько сложно и отвѣтственно всякое дѣланіе и чего именно безусловно не слѣдуетъ дѣлать*. Среди нихъ есть и такіе, которые способны передать древнюю и священную традицію; есть и такіе, которые сами пострадали цѣлое богатство опыта и разумѣнія. И если имъ чего нибудь не хватаетъ, то именно *творческой воли къ передачѣ* и той способности *учить участь*, безъ которой между поколѣніями трудно возникаетъ взаимное довѣріе и живое сотрудничество.

Духовная традиція не составляетъ и тамъ, гдѣ въ душахъ дѣтей не укоренено или поколеблено *чувство священнаго* или пробуждено *голодное самочувствіе*.

Тамъ, гдѣ нѣтъ чувства *священнаго*, тамъ нѣтъ и чувства *тайны*, нѣтъ *благоговѣнія*, почтенія и уважительности (противъ всего этого и направлена всякая революціонная и большевицкая пропаганда); тамъ слабѣетъ *религіозное чувство*, тамъ колеблются всѣ *авторитеты* и всѣ здоровыя *консервативныя* начала жизни. Въ душахъ расцвѣтаетъ упрощительство («все просто!»), самознайство («я и самъ безъ васъ все знаю!»), безотвѣтственность (слѣнота и безразличіе къ послѣдствіямъ поступка) и нигилизмъ («нѣтъ ничего святого»). При этомъ всегда бываетъ такъ, что здоровые и почвенные авторитеты низвергаются только для того, чтобы на ихъ мѣсто пробрались контрабандой авторитеты нездоровые и беспочвенные. Фанатики «новаго» никогда не бываютъ творцами; и *истинно-новое* никогда не создается на этомъ пути; но разрушительные психозы овладѣваютъ душами именно въ этомъ порядкѣ — въ порядкѣ «декадентства» (отъ *decadere* — отпадать, выпадать) и «революціи» (отъ *revolvere* — перевертывать), въ порядкѣ «схожденія съ рельсъ» и крушенія...

Тамъ, гдѣ пробуждено *голодное самочувствіе*, тамъ душа переоцѣниваетъ свои *силы* и недооцѣниваетъ *сложность міра* и *трудность* своихъ заданій. Ея драгоцѣнное «я» — требовательно, притязательно и *заслоняетъ* собою или отодвигаетъ *Дѣло*. Отсюда — тщеславіе, заносчивость, самомнѣніе, честолюбіе и самая комичная жажда «поскорѣе начать фигурировать». Скромности мало или совсѣмъ нѣтъ. *Собственная сила сужденія не подвергается никакому сомнѣнію*. Появляется рядъ людей умственно скоробогатыхъ и нравственно скороготовыхъ; способныхъ шумѣть, претендовать и смер-

тельно обижаться, но мало способныхъ строить и дѣлать дѣло и совсѣмъ неспособныхъ отличить добро отъ зла и генія отъ злодѣя; — типъ вреднаго скороцвѣта и пустоцвѣта.

Справедливость требуетъ признать, что современныя русскія политическія «дѣти» за рубежомъ въ большинствѣ своемъ не предаются ни *тягъ къ нигилизму*, ни *голодному самочувствію*. Однако послѣдній соблазнъ грозитъ имъ большею опасностью, какъ впрочемъ и всѣмъ революціоннымъ поколѣніямъ: ибо честолюбіе не только колеблетъ и подрываетъ троны, но расцвѣтаетъ съ особою, прямо болѣзненною силою *послѣ* ихъ низверженія.

Такимъ образомъ нынѣ за рубежомъ ни со стороны старшаго поколѣнія, ни со стороны младшаго поколѣнія нѣтъ признаковъ, заставляющихъ опасаться за русскую духовную традицію; и отдѣльныя болѣзненные проявленія, исходяція отъ «дѣтей» и почти всегда вызванныя подстрекательствомъ кого либо изъ непреусиѣвшихъ «отцовъ», — не должны быть обобщаемы.

Гораздо сложнѣе, болѣзненнѣе и опаснѣе обстоитъ дѣло въ подъяремной Россіи.

И. А. Ильинъ.

VI. ЖИВЫЯ СЛОВА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Наставленія Государямъ.

Сила государствъ покоится на великихъ людяхъ, которые рождаются для нихъ въ нужный часъ. Великій человекъ не нуждается въ предкахъ.

Нѣтъ способа правленія, который не имѣлъ бы своихъ недостатковъ. Но если во главѣ государства стоитъ рѣшительный государь, то въ монархіи оказывается меньше партійнаго духа, чѣмъ въ республикахъ, которыя нерѣдко растерзываются интригами гражданъ, пытающихся вытѣснить другъ друга. Хорошо управляемая монархія должна быть какъ единая семья.

Люди срастаются внутренно только съ тѣмъ, что имъ принадлежитъ. Государство не принадлежитъ министрамъ; поэтому ихъ сердце не прилѣпляется воистину къ его благополучію.

Государь есть лишь первый слуга государства, онъ обязанъ дѣйствовать по правдѣ, съ величайшей проницательностью и совершеннымъ безкорыстіемъ, такъ, какъ если бы ему приходилось ежеминутно давать своимъ согражданамъ отчетъ въ своемъ управленіи.

Случай, господствующій надъ человѣческими судьбами рѣшаетъ вопросъ о первородствѣ. Но въ силу того, что человекъ является королемъ, онъ еще не становится лучше другихъ.